

— ...О, так тут и девушки есть.

Заключительные проверки нового вооружения для Джаггернаута — Яростная армия — проходили в самом разгаре. После завершения одного из перечня в списке дел на сегодня Крена решила взять перерыв. Услышав доносившиеся со стороны контейнера голоса, она взглянула в том направлении.

Безжалостная королева, Зелен Биркенбаум, наконец начала отвечать Шину, поэтому значительно увеличилось время на ее допрос. Зелен ясно дала понять, что не собирается говорить без присутствия Шина. Таким образом, его лишили привилегии быть частью испытаний Яростной армии, и вместо него отработывали Райден, Сео, Анжу и Крена.

Крена повернулась к источнику голосов. Там собралась группа солдат Альянса, очевидно, не заметившие ее, и они просто болтали друг с другом. Половина из них относились к Каерулеи со светлыми волосами и голубыми глазами.

«Напоминают Дайю», — подумала Крена.

— А они миленькие. Но, вау, они правда позволяют воевать в таком-то возрасте?

— Мне казалось, дети-солдаты, которых выперли на поле боя, будут... ну, знаете... похожи на псов. Вечно проклинаящие все и вся паршивцы.

— Ну, если слухи не врут, они самые настоящие монстры, как и эти бескровные машины.

— Но все равно они миленькие. Почти нормальные.

— ...Тц, одна смотрит в нашу сторону... Она, наверное, услышала нас.

Кое-кто из той группы виновато сложили руки, а другие неловко увели взгляд. Затем все они улыбнулись.

— Удачи вам!

— Спасибо! — ответила Крена и кивнула.

Точно, Шин сейчас окончательно погряз в работе. Поэтому она и остальные должны постараться вместо него. Только...

Ее взгляд упал на форму цвета берлинской лазури человека, что сидела между контейнеров.

Что ты творишь, Лена?..

□

— Лена ведет себя довольно странно в последнее время.

Проведя все свое детство в бараках и лагерях для интернированных в восемьдесят шестом секторе, где между разными полами была еле заметная разница, «восемьдесят шесть» толком не могли понять причину, по которой парням и девушкам в подростковом возрасте требовалось личное пространство.

Первой заговорила Митихи, достав косметику из набора. Она купила его в приозерном городе. Рядом с ней шла Шана вместе с носильщиками сумок, Юто и Рито, которые шли позади, — все они разом кивнули на ее слова.

Митихи раскрыла несколько помад и сравнивала оттенки, пока Шана, не тратя время впустую, уже принялась красить ногти. Вот-вот должно было наступить значимое событие, и им требовалась практика.

— Шана, знаешь, тебе не стоит и мне ногти красить, — высказался Рито.

— Ой, ну ты такой милый, Рито... Так и хочется слопать тебя.

— Ты пугаешь, Шана...

— Я думал, мы подстроим все так, чтобы им никак не удалось сбежать, но с ее тревожностью ничего не получится. И похоже, Шин также решил подождать... — Юто на секунду прервался, как бы раздумывая. — Мне кажется, она просто такая же, как и мы.

— О чем ты? — спросила Митихи.

— Она все потеряла во время крупномасштабного наступления. Семью, дом, всех, кого знала в Республике, за исключением только Аннет. Республика ведь была ее родиной.

Теперь у нее не было места под названием дом. Нет семьи, на которую можно было бы положиться. Ей некуда возвращаться. Незачем жить... кроме одного.

— ...А, — прошептал Рито. — Она как мы. У нее осталась только гордость, без которой просто не знает, что ей делать. Но с одним различием... Лена потеряла все недавно.

Ее раны слишком свежие. Настолько, что малейшее прикосновение к ним могло окончательно

ее сломить.

□

— Эй, Шин... Ты же заметил странности в поведении Лены в последнее время?

— Ага.

Запонки служили аксессуарами и выполняли роль застёжек для рукавов без пуговиц. Однако они не использовались на простой одежде, чего уж говорить про танковую форму, часто надеваемую пилотами. Шин беспокоился за свои навыки, поэтому решил сегодня попрактиковаться в застегивании. Подтвердив свои опасения, перепуганный Шин кивнул на вопрос Сео.

— А, заметил таки... Да что ж такое, никак не получается.

— Может, дело в простых запонках Союза, которые, по сути, обычный зажим?.. — задался вопросом Шин. — Но вообще, она и раньше вела себя странно, но избегать стала после ответа Зелен.

Он заметил ее, когда она покинула камеру наблюдения. Отпросившись, он последовал за ней и нашел в коридоре, но тогда она качнула головой и ответила, что ничего не случилось... Ему оставалось лишь сказать, что если ей нужно выговориться, то он готов выслушать. После он ушел.

Если она еще не была готова поговорить, то пытаться заставить рассказать обо всем, что приходит на ум, не самая лучшая идея и ничего хорошего из этого не выйдет. Шин по своему опыту это знал. Месяц назад они находились в такой же ситуации, только роли поменялись.

— Я сказал ей, что готов выслушать, когда она будет готова, — сказал Шин вслух свои мысли.

— Ха? — Сео озадаченно уставился на него. — ...А ты точно Шин, а не его кожаная оболочка, под которой затаился Легион?

— И, черт тебя дери, что это должно значить?

— Ну... Ты никогда не был таким тактичным, — ответил Сео все еще несколько шокированный.

— ...Мне бы очень хотелось попросить тебя рассказать подробнее, Сео.

Например, что именно он о нем думал, — но Шин удержался и не задал этот вопрос. Он уже

столько участвовал в конфликтах, и каждый раз Сео и остальные просто оставляли его в покое, ничего не говоря в ответ.

Он слишком долго пользовался преимуществами такого отношения. Но теперь он остался единственным в стороне и не знал, что именно должен сказать. Он осознал, что они чувствовали... Поэтому высказываться нужно не ему — это уж точно.

— ...Пытаться в одиночку разобраться в себе было проще для меня. Но для остальных это молчаливое ожидание томило. Так ведь?

□

— Ваше Величество! Ваше Величество! Смотри, как насчет этого наряда для грандиозной ночи? Сексуально же, нет?

Шиден хоть и постучала в дверь, но зашла в номер Лены без ответного разрешения. По кровати было разбросано белье, которое Шиден прикупила в приозерном городе. Среди белья имелись трусики «удачи». Милые, эротические бюстгалтеры, корсеты, сорочки и трусики — все то, что оживляло настроение.

Шиден уже предвидела реакции: «Э-это же... бесстыдство какое, я не могу это носить!» или «Да это твой размер!», или «Откуда ты мои мерки взяла?!». Как бы то ни было, она ожидала от Лены румянца на щеках и дрожащего голоса.

К слову, Шиден лишь взглянув Лену могла определить ее параметры.

— ...

Однако Лена даже не взглянула на черный кожаный пояс с подвязками в руках Шиден и на серебряные цепочки.

— Ваше Величество?... Что-то не так?

— А?

— Как бы... твоя одежда на последний день.

— Точно...

— Ты ведь собираешься сопровождать малыша Бога Смерти, а? Тебе нужно приодеться, пусть даже для места, где солнце не будет светить. Понимаешь, о чем я? И... — Шиден вульгарно

улыбнулась, — ...кто знает, может, ты придумаешь способ, чтобы он заметил их? Не переживай так, Аннет я утащу на ночь в бар, а вы двое будете в номере сами по себе. Просто расслабься и...

Шиден вновь ждала румянца на щеках Лены и ответную реакцию за рискованную шутку, но...

— Нет... Думаю, Шин будет с кем-то другим... — сказала Лена, опустив голову.

Она походила на встревоженную девочку.

— ...А?

Шиден понятия не имела, о чем говорила Лена.

— Шин во мне не нуждается... Все-таки я...

Белая свинья.

Лена поджала губы, не желая произносить эти слова. Ее не должно быть рядом с Шином. В конце концов она была из белых свиней, что причинили ему боль.

И однажды пропасть между ними даст о себе знать.

Место подле Шина принадлежало не ей.

Шиден вздохнула сразу, как только поняла смысл ее слов.

— ...Ваше Величество...

Она резко схватила Лену за плечи и повалила ее на кровать.

— ?!..

Кровать под ней скрипнула, и с уст Лены сорвался шок вперемешку со страхом. Фипи удивленно подпрыгнул и грозно зашипел, прежде чем занял укрытие под столом.

От выражения лица Шиден буквального мороз продрал по коже.

— Шиден?.. — беспокойно спросила Лена.

— ...Кончай уже.

Шиден уставилась на нее острым, пронзительно-ледяным взглядом. В глазах пылала такая ярость, будто готовая достичь температуры абсолютного нуля. Настолько в них было много гнева.

— Как долго ты собираешься строить стены вокруг себя и сбегать сразу, как что-то пойдет не так, а? И ты еще королевой себя зовешь? Шаг назад довольно частое явление. С этим я спорить не буду. Но знаешь, что?

Лена была командующей. Иногда ей приходилось приказывать солдатам умереть. Эту границу она не хотела пересекать. И все же...

— Стена между тобой и нами не нужна. Никто из нас не будет называть тебя белой свиньей, так что не нужно запирается в них. Сколько еще ты собираешься жить в гребанном восемьдесят шестом секторе?!

— Но я же из Республики... Из места, что причинила боль и тебе. Даже не желая этого... и не зная... И этот факт никогда не изменится... Это все, что у меня есть!!!

Крик Лены разнесся по номеру. Ее мама умерла и была ассимилирована Легионом в крупномасштабном наступлении. Отец погиб, когда пытался показать Лене жестокую реальность восемьдесят шестого сектора. Каршталь, мама Аннет, все остальные — их больше не было.

Не было семьи, на которую можно опереться.

Не было дома, куда можно вернуться.

И теперь она потеряла гордость сражения рядом с Шином.

Она преследовала идею стать поддержкой для Шина, и теперь даже не способна сыграть роль ложной святой.

Когда все это исчезло, у нее ничего не осталось, чтобы создать свою личность — за исключением корней Республики. Она должна их ненавидеть — но эти корни все, что у нее осталось.

— Че? — безжалостно усмехнулась Шиден на выкрик Лены. — Кто тебе сказал, что это все, что у тебя есть? Думаешь, ты можешь так просто потерять все?.. Взгляни на мои глаза.

Шиден пронзительно смотрела на Лену; один ее глаз был темно-синего цвета, а другой снежно-белого. По этой черте она и получила свой позывной — Циклоп. Из-за гетерохромии создавалось впечатление, будто она была слепа на один глаз.

— У моего папы оба глаза были серебряными. Но не то чтобы я полностью относилась к Альбам. Гетерохромию я получила от своей мамы. Мы с моей младшей сестренкой унаследовали эту черту. Хочешь знать, что в итоге произошло?

Серебряные глаза — те же глаза, что и у их угнетателей. Даже в мирное время несоответствие цветов едва ли не делало их чужаками, не принадлежащих ни к одной из сторон. И с такими глазами ее сослали в восемьдесят шестой сектор, где каждый копил стресс и подходил к границе взрыва эмоций.

— Те же «восемьдесят шесть», которых называли скотом в Республике, называли таких как мы монстрами в человеческой коже. Они звали нас ведьмами. Моя сестра даже до становления процессором не дожила... Если бы только эти воспоминания можно было стереть, поверь мне, я бы это сделала.

Воспоминания... о прошлом.

— Но я не могу. Это прошлое. Все это произошло в прошлом. Ошибки, моменты беспомощности и сожалений... и мои решения, которые мне пришлось принимать. Ты ничего не можешь из этого забыть. Не можешь просто отменить сам факт того, что солдат Республики сражается за нас. Ты не можешь игнорировать то, что ты не белая свинья. И не можешь отрицать свое прозвище Кровавой королевы!

Даже потеряй она силы завтра. Даже если ей придется отделиться ото всех. Те сражения, через которые она прошла и добралась сюда, уже в прошлом и их никак нельзя переписать, даже если ей этого очень хотелось.

— Послушай, Лена. Ты из Республики, да, но ты не белая свинья... Ты — наша королева.

Лена слегка вздрогнула от этих слов. Ей словно уже кто-то говорил подобное раньше. Искренняя печаль... Это чувство было направлено на нее — истерзанную и постоянно винившую себя за то, что никогда не делала попыток прорваться через стену между ними. Когда же она слышала похожие слова?

Пожалуйста, прекратите показывать настолько печальное выражение лица.

— В начале, возможно, наши отношения были как между белой свиньей и скотом. Но мы уже ушли от этого прошлого и хотим двигаться дальше. Уверена, Шин чувствует то же самое... Так что иди уже вперед и избавься от своего нынешнего образа мышления.

†

— Зелен, спрашиваю еще раз: зачем ты звала меня?

<<Отрицательный ответ. Запрос обращен к любому враждебному элементу, кому удастся разобраться с Высокоманевренным типом машины. Триггером для Специального протокола Омега служило уничтожение машины Высокоманевренного типа. Таким образом, адресатом Специального протокола Омега будет тот, кто разберется с Высокоманевренным типом.>>

Зелен начала последовательно отвечать на все вопросы Шина, видимо, решив, что не давать ответы после демонстрации реакции бессмысленно. Но отвечала она исключительно Шину... и очень редко Вику. Было сложно точно определить ее цель и то, действительно ли она готова поделиться информацией с ними.

К слову, Лены с ними все также не было. Это несколько беспокоило Шина, но он решил проглотить тревогу.

— ...Тогда зачем ты зовешь тех, кто победит Феникса?

<<Потому что победить Высокоманевренный тип может только нелюдь.>>

В словах проскальзывали нотки издевки. Она словно говорила, что Шин — не человек.

<<Способный противостоять Легиону — машинам, созданным для истребления человечества — не может быть человеком. Это суждение тем более верно для любого, кто может справиться с модернизированной машиной вроде Высокоманевренного типа. С этих пор их ценность в качестве объекта наблюдения возросла. Цель должна быть захвачена. Они сыграют великую роль в исполнении нашей задачи Легиона.>>

В ее голосе чувствовалась жуткая жажда и стремление... монстра, сошедшего с пути человечества. Настоящая машина для резни.

— Поехавшая, — презрительно прошептал кто-то.

Услышав этот комментарий, Шин продолжил спокойно вопрошать:

— Для чего?

Оптический сенсор Зелен повернулся к нему. Она будто заинтересовалась тоном его голоса.

— Зачем тебе улучшать Легион в его нынешнем состоянии? Для истребления человечества?..

Тогда почему ты не убила меня тогда? И почему говоришь сейчас?

В его голосе не было вражды.

Ни даже ненависти.

Он просто задал вопрос без следа каких-либо эмоций за словами.

— С какой целью ты создала Легион?

Зелен говорила одно, а действовала иначе, поэтому Шин предположил, что так она пыталась скрыть правду. Им удалось разговорить ее, но чуть ли не насильно открывая ей рот — в будущем вряд ли им удастся вновь проделать это.

И даже если они смогут в дальнейшем заставлять ее говорить, у них не получится довериться ее словам. Понимая, что она явно отказывается давать прямой ответ, Шин также решил не доверять ей. Он задал более актуальный вопрос. Тот, на который он хотел получить ответ.

Зелен на мгновение погрузилась в тишину. Она была как бы ошеломлена, но в то же время прослеживались следы страха и беспокойства.

<<...Ты...>>

Она была машиной Легиона. Муравей хоть и считался слабой единицей среди них, но все равно представлял собой убийственную машину, которая одним только весом способна раздавить человека. И все равно она выказала страх.

<<Ты не ненавидишь меня, «восемьдесят шесть»? Легион убил твоих товарищей. Игрался с ними. Уничтожал. Истреблял. Это не вызывает у тебя гнев?>>

Шин безмолвно стоял. Она говорила о его товарищах «восемьдесят шесть» с восемьдесят шестого сектора. Да, для нее они все были легкими жертвами. Один за другим они погибали, подвластные ужасной неотвратимой судьбой. Выброшенные своей страной, оставшиеся без должного командования и поддержки, насильно загнанные в дефектные фердресы во имя нескончаемых сражений.

Их было слишком много — больше, чем Шин мог подсчитать... Они погибали слишком быстро и легко. Каждый из них, кто считался драгоценным товарищем. Но...

— ...Нет.

Это не значило, что он ненавидел Зелен... или Легион. Он не ненавидел.

Зелен медленно опустила оптический сенсор, похожий на луну, как бы склоняя голову. Она словно демонстрировала отрицание. Страх... Сожаление.

<<...Приостановка ответов. Дальнейшие запросы будут отклонены.>>

□

И с этого момента Безжалостная королева перестала реагировать на слова Шина.

†

— Эй, Лена, Шин прибудет сегодня.

Услышав это, Лена оторвалась от бумажной работы. Сейчас было еще утро, и Лена готовилась к последним испытаниям нового оснащения. Пред ней появилась Крена, одетая в танковую форму, и ее руки покоились на талии.

— Там у них какая-то перепалка с Зелен произошла, поэтому он сказал, что оставит ее на некоторое время и поможет в тестировании Яростной армии... Не хочешь увидеться с ним? Лена, ты только и делаешь, что прячешься от Шина по всему отелю. Меня, правда, это вполне устраивает, если честно. Это дает мне больше времени, которое я могу потратить рядом с ним.

— ...Но...

Лена встретила взгляд Крены, а та ответила вызовом в золотистых глазах.

— Эй. Соберись уже... Ух, послушай, мне совсем не нравится, что ты уводишь его от меня.

Крена сделала шаг к ней. Лена сама по себе была выше, но каблуки делали этот факт еще заметнее. Но для Крены это не имело значения.

Эта девушка та еще штучка. Красива настолько, что можно упасть замертво. От нее не веет чувством принадлежности к полю брани. Она просто ворвалась в нашу жизнь и забрала у меня Шина. Я не могу принять ее.

— Но мне противна мысль о том, что его заберет кто-то другой. Только если это будешь ты, Лена, я... я приму это. Поэтому...

Он никогда не смотрел на меня так, как смотрит на тебя. Он видел во мне просто товарища,

младшую сестру. Я не могу спасти его, так что ты должна сделать это вместо меня.

— ...соберись уже, наконец.

□

Она убегала от страха быть отвергнутой, но когда поняла, что он был рядом, не могла остановить себя и не пойти искать его. Ей хотелось подойти к нему и вцепиться. Понимая это чувство, Лена прикусила ненакрашенные губы.

Но я же с Республики... У меня нет прав находиться на одной с ним стороне.

Угольно-черные волосы и кроваво-красные глаза, владельца которых она бы никогда не спутала, попали в поле ее зрения, и она уже хотела окликнуть Шина, но остановилась. Из-за довольно большого расстояния между ними Шин не увидел бы ее, не скажи она ничего.

Лена застыла на месте.

Рядом с массивным стальным корпусом Яростной армии стоял Шин и еще один офицер с длинными черными волосами в форме Альянса. Они болтали друг с другом и смеялись. Они стояли так близко друг к другу, что почти соприкасались... Такое расстояние казалось неподобающим для мужчины и женщины, что не были влюбленной парочкой.

Офицер смеялся, игриво похлопав Шина по плечу. Кто-то из них пошутил, очевидно. Шин стоял к Лене спиной, но она все равно видела его улыбку. Беззаботную, мальчишескую улыбку.

...Шин... никогда не выглядел таким умиротворенным со мной... Мы не стояли столь близко друг к другу... Он не улыбался мне также... Почему он улыбается... незнакомцу?.. Мне... не нравится это...

В какой-то момент мимо Лены прошли Гурен и Тоука из обслуживающей бригады. Запечатлев ту же сцену, что и она, Гурен заговорил:

— Он словно с Элис разговаривает... В ней тоже текла кровь Джетов, поэтому они очень похожи.

Прозвучало незнакомое имя.

— Элис? — спросила Лена, озадаченно моргнув.

— Оу, полковник, — Гурен отшатнулся, будучи потрясенным, что Лена оказалась прямо перед

ним. — Что вы здесь делаете?

— Кто такая Элис?

— О... Э, капитан отряда на базе в восемьдесят шестом секторе, где я служил. Ну, это было много лет назад, когда капитан Ноузен поступил в свой первый отряд. Он тогда был вот такого роста.

Гурен поднял ладонь горизонтально и расположил ее возле талии, как бы демонстрируя рост. Даже для его возраста в то время уж больно невысок он был.

— Так что да, капитан Оливия и капитан Элис похожи. Возможно, это из-за текущей по вене крови Джетов, но атмосфера вокруг них одинакова... да и манера речи тоже чем-то схожа. У нее были такие же длинные черные волосы, а сама она была доброй и красивой. Если подумать, капитан Ноузен сильно привязался к ней...

— Так держать, гений, — прервала Гурена Тоука, стукнув локтем по ребрам.

Она, видимо, заметила исчезающие краски с лица Лены после каждого сказанного им слова. Тоука вложила в удар достаточно силы, чтобы Гурен тихо простонал и окончательно замолк.

Но для Лены Гурен и Тоука уже перестали существовать.

Нет...

В животе Лены поднималось мрачное чувство, но разум напротив, просветлел. Капитан в первом отряде Шина, вероятно, был надежным человеком. Он привязался к ней, а значит она была очень доброй. Стоящая перед Шином леди была похожа на нее, поэтому Шин видел в ней бывшего капитана. Они сблизилась настолько, чтобы беззаботно болтать друг с другом и шутить.

Но Лене этого не хотелось. Ей это не нравилось. Будь это надежный капитан или кто-то похожий на нее, Лена не хотела видеть Шина, который смотрел на другую женщину так, как он никогда не посмотрит на нее.

Она не хотела, чтобы кто-то урвал его из рук. И в момент осознания она не могла нормально вздохнуть.

Я не хочу, чтобы кто-то урвал его?..

Она была убеждена, что не будет той единственной, кто встанет рядом с ним. Однажды Лена потеряет свою позицию. И она понимала, что не имеет права цепляться за него и умолять не

оставлять ее.

Так что да, тот самый ужасный момент настал. Пришло время принять реальность с достоинством и честью. Тогда почему? Почему эгоистичные эмоции — желание не выпустить его из рук — дали знать о себе прямо сейчас?

□

Проследив за уходящей Леной — та шла неровной походкой новорожденного олененка, — Тоука пронзительно уставилась на Гурена, который по росту был на голову выше ее.

— Я впечатлена, Гурен. По-моему, с твоего рта сорвалось ни одного слова, которое она должна была услышать.

— Ну, прости уж...

— Полковник не глупа, но даже самый умный человек может потеряться в делах сердечных. Избавься от этих язвительных шуток.

— Я же извинился... И я не пытался шутить, знаешь ведь.

Гурен избегал взгляда Тоуки. Он полностью осознавал, что напортачил. Затем двое посмотрели в сторону Шина и капитана из Альянса, разговаривавших возле Яростной армии. Вскоре к ним присоединились Сео и Райден, а Шин продолжил смеяться. Выражение его лица при разговоре с Оливией и Райденом сильно отличалось от того, с каким ушла Лена, — та словно увидела конец света.

— ...Так этот мелкий засранец попрос для таких тем, а? — проговорил Гурен.

— Я даже представить не могла семь лет назад, что тот неуклюжий мальчишка вырастет в такого юношу.

Тогда он еще был наивным и очень милым ребенком.

— ...Жаль только, что Элис не смогла увидеть его таким, — пробормотал Гурен.

— Знаешь, ты только что сказал полковнику Миризе о схожести капитана Оливии на женщину, к которой Шин когда-то привязался. И я вполне понимаю, что это будет на нее давить.

— Ну, да, Ноузен привязался к Элис как к старшей сестренке или что-то вроде того... Но только потому, что они похожи...

— ...Ага.

Лена уже ушла, и оба они смотрели в том направлении. Честно говоря, в этом плане Лене страшиться было нечего, но... любовь способна лишить людей здравомыслия.

□

Лена должна была появиться во время испытаний нового оснащения. В этот день у нее не было никаких больше рабочих обязанностей, и поэтому Аннет, завидев ту, идущую по холлу отеля неровной походкой, в шоке отложила поэтический сборник, который в данный момент читала.

— Лена, что случилось? Ты вся бледная, как лист бумаги.

— Аннет... — произнесла Лена.

По шагам она напоминала привидение.

Находящийся рядом человек из обслуживающего персонала подставил стул, и Лена плюхнулась на него.

— Шин говорил с кем-то из Альянса... С Оливией... Он выглядел... веселым...

— О... Ты имеешь в виду капитана, инструктора ударной группы по Яростной армии... Туз Альянса, специалист по ближнему бою, Эспер, способный заглядывать в будущее... Все это я слышала.

Капитан Оливия присоединится к бронетанковой дивизии, но позиция инструктора означала тесное взаимодействие с исследовательскими командами, а значит и с Аннет. Капитан как человек был очень дружелюбным — при каждом посещении отеля с собой всегда имелись гостинцы.

Кстати, Аннет только по разговору поняла, что изначально Лена была недалеко от Шина, а не в отеле.

— Думается мне, у них есть о чем поговорить. Шин также туз страны, мастер тактики и специализируется на ближнем бое... И ты, может, не заметила этого, но капитан Оливия разговаривает не с одним только Шином, но и еще с Райденом, Сео, Виком и даже Марселем.

— Знаешь, Оливия, оказывается, выглядит точь-в-точь как капитан Шина в его первом отряде в восемьдесят шестом секторе. Точнее, капитаншу.

— У-ух...

Это было новостью для Аннет, но ей все равно показалось странным упоминание конкретного пола бывшего капитана Шина.

— И? — спросила Аннет, неуверенная, что именно хочет от нее Лена.

— Что мне делать?!..

— Делать с чем?

— Шин говорил с капитаном. Он веселился.

— Да, ты это уже упоминала.

— Они оба талантливы и специализируются в ближнем бою!

— Да, я это и сказала.

— Что мне делать?!..

— С чем?

Лена увяла — она словно запечатлела конец света.

— Оливия уведет его у меня!..

— ...О.

Аннет каким-то образом удалось сдержать вздох. Она не была уверена, что Лена выскажется об этом, но только подумать...

Ох, Лена... Ты понятия не имеешь, насколько сильно сейчас заблуждаешься...

Но сказанное Леной дальше заставило Аннет дернуть бровью.

— Аннет, так что же мне делать? Я не хочу, чтобы у меня его забирали. Я не могу просто стоять и видеть их вместе... Но в тоже время я не должна так думать. Но не хочу, чтобы кто-то украл его у меня!

— Что значит твое «не должна так думать»?

— Я ведь... Я — причина, по которой Республика все еще не признает в «восемьдесят шесть» людей... Из-за меня они до сих пор считают, что «восемьдесят шесть» принадлежат Республике... Мое нахождение в ударной группе только обременит Шина, и поэтому у меня нет никаких прав на него!

— Эти фанатики могут говорить что угодно. Даже без тебя они найдут какую-нибудь еще дурацкую причину. А «восемьдесят шесть» совсем на них плевать. Ты слишком загоняешься. Обременять? Права? О чем ты, черт возьми?

— Шин будет в порядке и без меня...

— Но с тобой ему будет еще лучше. Кроме того, вспомни, что сказал тебе Шин в Объединенном королевстве.

Аннет знала об этом через запись боевого журнала.

Лена, тем временем, была уже на грани слез.

— ...Но я... Я из Республики...

Кто-то уже отчитывал ее за такие слова, так что сделай Аннет то же самое, Лене это ничуть не поможет. Она понимала, какую вину возложила на себя Лена, так что просто отмахнулась.

— Это так. Ты из Республики. Ну и? Дальше-то что? Шин говорил, что ненавидит тебя?

— ...Я старше его по званию.

— И что?

Конечно, походи их отряд хотя бы отдаленно на тот, что должен быть в каждой армии, романтические чувства между офицером и подчиненным могли вызвать кое-какие проблемы. Но на месте нормального отряда была группа из детей-солдат без воинской подготовки с командующей девушкой-подростком. Ударная группа «восемьдесят шесть» была отрядом, далеким от понятия «нормальный».

Кроме того, «восемьдесят шесть» никогда не заботила цепочка командования и различия между капитанами, вице-капитанами и рядовыми. Романтика среди них была вполне возможна, и никто не заострял на этом какого-либо внимания.

— И...

Лена колебалась, прежде чем завершить фразу. Ее руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки. Поняв, что именно она пыталась сказать, Аннет все же потеряла терпение и вскочила на ноги.

— И что, я спрашиваю?! Будешь искать повод, чтобы теперь бросить его? Он попросил тебя не оставлять его, а ты ответила, что не станешь. И все, теперь ты решила сдать?!

Эти слова ошеломили Лену. По побледневшему лицу было видно, что ее сердце даже не думало сдаваться.

— Я не это имела в виду!..

— Может и нет, но это то же самое. Перестань убегать и искать оправдания. Если из-за этого ты сдашься, то действительно бросишь его.

«Он выбрал тебя. Перестань быть такой жалкой.», — хотела сказать Аннет, но сдержалась. Сказать такое вслух — вот что на самом деле было жалким. Но видя, как Лена забрала Шина, она чувствовала себя брошенной. Ее собственные ошибки однажды разорвали узы с Шином, а затем война разделила их еще сильнее...

Шин же уже вырос — прошлый Шин и этот были двумя разными людьми. Возможно, тело и разум остались те же, но он изменился слишком сильно. К своему другу детства она испытывала что-то вроде первой любви, но не сказать, что чувствовала то же самое по отношению к нынешнему Шину. Но ей все равно было тяжело игнорировать тот факт, что кто-то занял принадлежащее ей некогда место.

В ее сердце тлели угольки. Она посмотрела на спину Лены — на длинные серебряные волосы — и не могла не почувствовать, что именно Лена была той единственной.

— Послушай. Если ты не хочешь, чтобы кто-либо забрал его у тебя... если ты понимаешь это чувство, несмотря на мысли о том, что не заслуживаешь его... тебе придется серьезно разобраться в себе.

— Я... — начала было Лена, но затем плотно поджала губы.

Какая-то ее часть все еще словно запрещала произносить эти слова, но Аннет понимала. В конце концов, правда была написана на лице Лены. Однако облечь чувство в слова означало признание, и она не могла на это решиться. Пока еще нет.

Аннет могла только посочувствовать. Страх попасть в объятие этих чувств. Запугивать себя возможным отказом. Раскрыть свою душу, просто чтобы быть отвергнутой... Боязнь Лены в

такой момент можно было понять. Она так долго гналась за ним, догнала и, наконец, достаточно сблизилась. Отказ сейчас займет разрушительные последствия. Просто вероятность такого развития событий парализовала ее.

Но...

— Давай-ка я напомню тебе то, что однажды сказала мне ты. Не поторопись, и петухи начнут кукарекать*. Тогда сколько бы слез ты не пролила, уже будет слишком поздно.

[П/П: Довольно странная аналогия, но как я понял из одной статьи, одна из возможных причин кукареканья петуха является сигнал хозяина и неким предупреждением для остальных, если те собираются посягнуть на его территорию.]

□

— Мне показалось, она была разочарована моим ответом и замолкла. Такое у меня впечатление, по крайней мере, сложилось.

— Соглашусь с ним. Это несколько отличается от ее предыдущих провокаций. Остается только, что она выказала свои истинные чувства.

Пуф. Пуф.

Свист воздуха пронзил номер, но последующий удар в стену отдался слишком мягко и практически бесшумно для стрельбы. Шин и Вик, однако, полностью игнорировали летящие объекты и продолжили разговор.

Внутренний дворик перед купальнями. Все диваны были смещены к стенам, оставляя в середине холла открытое пространство, которое то и дело пронзали агрессивные, взволнованные выкрики: «Давай, давай!» и «Сейчас я достану тебя!».

— Судя по сообщению и поведению, она будто испытывает нас. Условия, которые подразумевают уничтожение Феникса... и ненависть к Легиону, наверное? Совсем не понимаю, чего она хочет.

— А по-моему, проблема не в том, что ты не ненавидишь Легион... О.

Прилетевшие подушки развеяли тяжелую атмосферу разговора. Не уклонись они оба, и подушки бы попали прямо им в голову.

— ...Тц, промазал.

— Так наша неожиданная атака не удалась, а?.. Я думал, командир операции и Его Высочество открыты.

Двое относительно юных парня из ударной группы стояли наготове и демонстративно покачивали головами, как бы выказывая разочарование. Они взглянули на молчавших командира и принца Объединенного королевства, а затем лучезарно улыбнулись.

— Да давайте уже, повеселимся!.. Если вы только не струсили!

— Трусилки!

— ...

— ...

Шин и Вик оглянулись на невинных, безбашенных парней. Шина знали как безголового Бога Смерти восточного фронта, а Вика — Цепную гадюку. Оба они считались опытными процессорами.

Отпустить подобные насмешки было ниже их достоинства.

— Ладно, сами напросились.

— Покажите мне, на что способны простолюдины.

□

— ...Чего?..

Что Лена чувствовала к Шину? Над этим вопросом Аннет Лена даже не хотела думать, но она все равно продолжала истязать себя. Она должна подумать над ответом, а иначе он выскользнет из ее рук.

Она пообещала не оставлять его. От этого одного обещания она никогда не убежит. Шин отбросил сомнения и положился на нее, так что она не могла подвести.

Она предположила, что в это время в купальнях никого не должно быть, поэтому у нее появился шанс поразмыслить. Она пошла туда с целью расслабиться...

...лишь для того, чтобы застыть при входе. Какова причина? Она увидела Шина, Райдена, Сео и остальных парней «восемьдесят шесть», лежавших на мраморном полу в куче разбросанных

всюду небольших подушек.

И это не было преувеличением; бесчисленное количество подушек валялось то тут, то там по всей поверхности. Помимо «восемьдесят шесть» она заметила обездвиженных Вика, Дастина и Марсея.

Они, очевидно, только вышли из купален, поскольку все были одеты очень просто и имели с собой полотенца. Глазами она рыскала по парням, лежащих в лужах белой крови... э-э, не совсем, подушки даже отдаленно не походили на кровь.

Лена происходила из строгой аристократической семьи, поэтому она редко когда веселилась. Кроме того, она впервые видела что-то подобное. Однако она слышала однажды о феномене дальнего востока — традиционной битве на подушках.

В одном из углов стояла Лерче, которая пыталась разбудить парней. Она заметила Лену и встала поприветствовать ее. Рядом с ней находился кто-то еще — этот человек взглянул на Лену сапфирово-синими глазами.

— Не Кровавая королева-доно ли это часом?.. Бог Смерти-доно определенно запечатлен в своем самом незащищенном состоянии.

— Кровавая королева... О, так это вы тот известный командир ударной группы... Простите, а я...

Другой человек хотел было представиться, когда...

— Капитан Оливия!..

Лене пришлось приложить усилия, чтобы не отпрянуть от встречи с тем, кого она меньше всего хотела видеть в данный момент. Это не только было бы с ее стороны ужасно грубо, так и еще жалко. Взгляд Оливии стал озадаченным, но вскоре на лице появилась общительная улыбка взрослого.

— Да, все верно, я — капитан Оливия Эгис из армии Альянса. Приятно познакомиться, полковник.

— Полковник Владилена Миризе, тактический командир ударной группы... Э, не стоит так почтительно обращаться, капитан. Тебя еще не зачислили в наш отряд, да и ты явно старше меня. Кроме того, мы ведь сейчас в отпуске, поэтому...

Среди «восемьдесят шесть» только Шин продолжал на официальных мероприятиях

использовать вежливое обращение, что немного не нравилось Лене. Хотя она чуть ли не на десять лет младше Оливии, но имеет звание полковника. Взгляд капитана вновь стал озадаченным, но затем голова слегка наклонилась.

— Хорошо, тогда... Тогда мы можем полностью избавиться от почтительности. Можешь звать меня Оливией.

— Ладно... Так, ну, что именно здесь произошло?..

Судя по красивым черным локонам, связанными сзади, кое-кто недавно освежился в ванной. Влажные волосы струились по загорелой — типичной для пилотов фердреса — шее, и даже Лена нашла это привлекательным.

И прямо в такой момент одна мысль проскочила в ее разуме.

Оливия же не пошла в ванную вместе с парнями?..

Лена все же смогла удержаться и не задать этот вопрос.

— Ну... Сегодня у нас уборка должна была быть.

...Что?

□

Началось все после того, как подушки со всех гостевых номеров были собраны для стирки. Проведя много времени в роскошном отеле, горячей бане и городке рядом с озером, парни действительно чувствовали себя расслабленно, но вскоре заскучали. Работники отеля, конечно же, это заметили.

И в итоге они разрешили парням то, чего в нормальный уборочный день никогда и ни под каким предлогом не позволили бы. Ответственные за отель люди также одобрили это, поэтому внутренний дворик перед купальнями — помещение с высоким потолком и без окон — стал ареной для дружеского матча.

Так началась грандиозная битва парней на подушках.

□

— Ну или как-то так. Персонал отеля это одобрил, и парни сами понимали, что дальше бросания подушек дело не пойдет. Надеюсь, ты не будешь слишком строга к ним, полковник.

Подушки были легкими и имели большое сопротивление воздуху, так что от простого бросания они не должны порваться, в отличие от того, если ими начать размахивать. К тому же, прямое попадание в лицо не вырубит человека.

Парни разложились на полу только потому, что они уснули. Усталость от битвы на подушках смешалась с легким головокружением после принятия ванны. Наконец, они находились в момент, когда температура тела, поднимавшаяся от пара, начала спадать. Те, кого сильно тянуло в сон, отходили от поля боя, и вскоре абсолютно все воины лежали побежденными.

Само сражение словно велось от лица двух сторон. Это Лена, будучи командующей на протяжении двух лет, поняла с первого взгляда. Правда, ситуация от этого яснее не становилась.

Поняв, что сопящие парни лежат на пути Лены, руки Оливии принялись будить их. Лена же никогда не смогла бы повторить ту беспечность, с которой они обхватывали плечи парней и трясли их. Когда руки потянулись к Шину, лежащему посреди зала, Лена тут же вскрикнула в нехарактерной для нее манере:

— Я р-разберусь с остальными!

Ее крик даже разбудил нескольких парней, которые находились рядом. Удивление во взгляде Оливии было слишком явным, но затем на губах разыгралась расслабленная улыбка. Остальные парни еще ладно, но Лена не позволит Оливии столь непринужденно и открыто — по мнению самой Лены — тянуться к Шину.

Убери от него свои руки.

— Я разбуджу остальных, а ты можешь идти, капитан. Спасибо.

К счастью, они пришли к соглашению, и Лена обвела взглядом творившийся во дворике хаос. Аккуратно ступая между «трусами», она приблизилась к спящему Шину.

Для Шина нормальный сон считался простой дремотой, так что как правило он просыпался сразу, если кто-то прогуливался рядом с ним. Проснувшиеся парни тянули за собой остальных, кто лежал рядом, и так создавалась цепная реакция.

Шин, однако, провалился в глубокий сон, что было несколько необычно. Лена присела рядом и потрясла его.

— Ш-Шин. Просыпайся. Ты замерзнешь, если будешь спать здесь.

Какая-то часть ее втайне надеялась, что он так и останется лежать. Тогда он останется с ней. Он никуда не пойдет.

Не просыпайся. Так мы останемся вместе.

Лена прикусила губу.

Она наконец признала это.

Она хотела быть рядом с ним.

Навсегда, будь это возможным.

Но Шин уже сделал шаг вперед навстречу будущему, и Лена боялась, что он оставит ее. Он нравился многим, и однажды необходимость в ней отпадет. Позор деяний Республики сильно давил на нее, и она не могла отринуть тревогу.

Что если сегодня — тот самый день? Страх быть отвергнутой преследовал ее, и она уже думала отказаться от признания. Если Шин отвергнет ее, она точно потеряет всякую волю к сражению. Ее личность распадется.

Но даже так, она не желала сдаваться. Она не хотела притворяться, будто не понимает собственные чувства, — ведь пока она находилась в зоне комфорта, Шина могли увести у нее. По крайней мере, этого она не хочет. Она это поняла. А раз поняла... значит не может больше лгать самой себе.

Не хочу, чтобы кто-то забрал его у меня. Хочу, чтобы он был моим. Значит...

Лена вновь прикусила губу.

†

Лена не смогла должным образом поспать ночью, так что встала довольно рано. Еще до рассвета она осторожно, чтобы не разбудить Аннет, выскользнула из номера. Даже в такую рань за стойкой ресепшен кто-то стоял. Лена вышла из вестибюля и вошла в сад роз; там ее встретил ковер из бархатистых цветов.

Оттуда она направилась к внутреннему дворику, затем спустилась по лестнице с перилами, окрашенными в бронзовый цвет. Внизу находилось достаточно большое озеро с таловой водой. Здесь было прохладно даже летом, а в безветренную погоду она отражала лунный свет.

Переправа в этом месте в ранний час еще не принималась за работу. Нежная тишина, будто все живое замерло, опустилась на водную гладь и отражающееся в ней звездное небо.

Лена подошла близко к воде, представляя, что именно так может выглядеть море. Но по воде не проходили волны в безветренную погоду. По прозрачной поверхности двигался лишь звездный свет — первозданное море небесных светил или, может, море конца всего сущего.

Пока она думала об этом, кто-то появился в ее поле зрения.

— ...Лена?

Этот голос.

Лена удивленно повернулась.

— Шин?.. Что ты делаешь здесь в такую рань?

— Вчера я заснул в не совсем правильное время, так что проснулся сейчас.

Лена села на длинную скамейку, где сидел Шин, а затем сознательно придвинулась к нему ближе. Ей как-то удалось сдержать свою стеснительность от того, чтобы держаться от него на расстоянии. Она пыталась найти тему для разговора, и вскоре задала вопрос, который, по ее мнению, не должен вызвать неловкость.

— Как там с Зелен?

— Чего-то важного она не сказала... Честно говоря, мы в каком-то роде в тупике. Она отказывается отвечать на любые мои вопросы. — Шин на мгновение замолчал, как бы обдумывая то, что пришло ему на ум. — ...Вообще, вчерашний бой на подушках дал мне идею насчет способа продвинуться вперед.

— Лжешь же, — подколола Лена, хихикнув.

Впервые за долгое время ей выдался шанс спокойно поговорить. Шин, наверное, сказал эту нехарактерную для него шутку с целью разбить лед между ними. Лена решила пошутить в ответ.

— Почему бы не взять на встречу Файда? Может, ему удастся лучше наладить контакт с ней. Используя жесты, например.

— Возможно, но ему бы для начала перестать быть таким приставучим, — сказал со вздохом Шин.

Файд расsvирепел — так, по крайней мере, показалось Лене, — когда Шин отказался брать его

в эту поездку.

Он перевел взгляд на линию хребтов, где через слабую мглу постепенно проявлялись утренние солнечные лучи.

— ...Насчет того Файда, которого разрабатывал мой отец...

ИИ под названием Прототип 008. Механический интеллект, не являвшийся ни Легионом, ни Сиринами.

— Может, их имена просто совпали, но идея о Файде, как о том ИИ, натолкнула меня на мысль. Что, если он следовал за мной эти семь лет потому, что это на самом деле тот самый Файд?

Согласно рассказу Вика и Аннет, Шин однажды дал Прототипу 008 имя Файд. В этой ситуации это будет не просто совпадением, по которому два разных робота названы одним именем. Только Шин говорил таким тоном голоса, будто это не теория вовсе, а скорее, как ребенок описывает то, кем он хочет стать в будущем. Иллюзорное желание, облеченное в слова, но при этом неправдоподобное.

Республика совершила множество ошибок, но завод по производству падальщиков считался военным объектом. Не могло быть и речи, чтобы экспериментальный ИИ нашел туда путь. Поэтому Шин только и мог, что цепляться за это желание, но описывая его как шутку.

— Может, если мы изучим ядро Файда, выясним хоть какую-то информацию, — сказал он со слабой улыбкой на лице. — Кто знает? Возможно, он даже узнает меня, и тогда мы просто будем говорить, как при долгой разлуке. И если только...

Шин замолк, колеблясь и не зная, как закончить фразу. Он все также криво улыбался, а алые глаза сощурились на мгновение.

— Что? — спросила Лена.

— ...Нет, ничего. Я просто подумал, что если это действительно произойдет, то печально вообще-то будет.

Лена моргнула. Ей показалось, что сказанное полностью отличается от того, что он пытался донести. Если он до сих пор чувствовал некоторую привязанность к тому ИИ, хоть и не помнил многого, то в случае, если нынешний Файд на самом деле является его старым другом из детства, он должен наоборот быть рад.

— Если тот Файд в нем, по завершении проекта его пошлют сражаться вместо людей. И мне это не то чтобы нравилось. Даже если у нас будет возможность модернизировать Файда для участия в битвах, мне все равно не хотелось бы этого. Я не хочу, чтобы что-то не

предназначенное для войны становилось в ней инструментом.

Он мог быть неживым. Он, может, и не человек вовсе. Но это не значило, что Шин хотел послать его в бой вместо себя. В глазах Лены Файд был потенциальным ключом к настоящему полю брани без потерь. Но Шин видел иначе — еще один товарищ, а также вероятный друг детства, отправляется на верную смерть.

— Помнишь те останки Файда возле стеклянной гробницы с Джаггернаутами? В конце специальной разведывательной миссии он был уничтожен в попытке защитить меня в разгар сражения. Я не хочу снова это видеть. Не хочу... вновь запечатлеть его смерть.

Даже если это был неуклюжий робот без хоть какого-либо намека на человеческую жизнь.

Но внезапно беспокойство вновь всплыло в сердце Лены, достигнув головы.

А это распространяется и на меня? Боишься ли ты, что я умру? Или, может, если не умру, то исчезну? Ты чувствуешь то же самое в отношении меня?

— Распространяются ли эти мысли не только на Файда?.. И не на «восемьдесят шесть»?..

Алые глаза встретились со взглядом Лены.

— Так это тебя беспокоило в последнее время? — спросил он.

Лена внезапно оцепенела.

Она застыла со страхом в глазах. Шин скривил радостную улыбку.

— Я ведь уже говорил тебе. Если хочешь поговорить, я всегда выслушаю... И, честно говоря, все уже заметили. Что наша единственная королева не в настроении.

Лена подняла взгляд в удивлении, и ее осветили первые лучи солнца. Рассвет уносил прочь темноту ночи, пока на синем небе мерцали звезды.

И на фоне этого сказочно красивого неба...

— Что же касается твоего вопроса... Нет, я не хочу, чтобы кто-либо из моих союзников умер. Меня не устроит даже смерть одного. Вот почему я ношу их с собой. Всегда. И если это возможно, я бы хотел нести их до самого конца. Поэтому, если тебя не будет рядом, я... э-э, ну, мне не понравится это.

□

Слова впитались в сердце Лены подобно нежным каплям дождя в засушливой пустоши. Да, Шин уже говорил это. Лена была из Республики, но в то же время королевой «восемьдесят шесть».

Может, это место и не было зарезервировано исключительно ради нее, но сюда она могла вернуться в любой момент. Он сказал, что ей позволено находиться здесь. Он сказал это своим неизменным спокойным голосом, который ни раз уже спасал ее.

А-а-а-а.

Я знала. Мне действительно...

□

Шин, в свою очередь, смотрел на горизонт, и чувство тоски охватило его. Без сомнений, настало время наконец сказать. Но он колебался — ему было так неловко, что он мог только невнятно пробормотать какие-то слова.

Его слегка бесила мысль о том, что Райден и Сео услышат и начнут подкалывать.

И он сказал, что не хочет смерти кого-либо.

Он заберет сказанное с собой в могилу.

Он запнулся на собственных же словах.

Он сказал ей, что не хочет смерти кого-либо.

Так что она...

□

Проснувшись, Аннет не застала в номере Лену. Тем не менее за завтраком ее вновь возмутила Лена, подсевшая к ней за один стол. Другими словами, она выбрала не стол Шина. Нерешительность никуда не ушла.

Или Аннет так думала. По крайней мере, пока Лена не заговорила:

— Аннет, я наконец решилась.

Завидев пытливые выражение лица Аннет, Лена засуетилась и начала говорить тоненьким голоском:

— Я собираюсь... у-у... сказать Шину, что... он мне нравится.

Глаза Аннет широко распахнулись. Она встала на ноги и опустила руки на плечи своей подруги.

— Замечательно! Ты наконец набралась смелости! Молодец!

Лена запаниковала от чересчур громкого ликования Аннет, но Шин уже давно покончил с завтраком и ушел куда-то, а остальные и так обо всем догадывались.

†

Но хоть Лена и укрепила свою решимость, в отель наведалься еще один капитан.

— Ну что, детишки, все еще скучаете после вчерашнего-то?

Как и всегда, голос Оливии напоминал звон колокола. Этот голос очаровывал и в то же время в нем чувствовалась готовность в любой момент отдать приказ.

«А я надеялась, что она не придет.», — подумала Лена, не решаясь говорить этого вслух.

— Если скучаете, как насчет небольшой подземной вылазки?

□

— Это наша священная обитель, гора Вирмнест. И природная крепость Объединенного королевства, кора Драканий клык. Оба названия происходят от одного источника*.

[П/П: С драконом понятно, его мы опустим. Вирмнест состоит из двух слов, «Wyrm» и «nest» (гнездо). Wyrm – существо вроде дракона, только без крыльев.]

Они шли по туннелю, пока слушали комментарии капитана Оливии. От гладкой поверхности скальных стен отражались постукивания военных сапог. Пещера явно не была природной, но и не выкопанной вручную. Они будто ходили в недрах какого-то огромного существа.

Вход в этот каменный туннель располагался на полпути к вершине горы Вирмнест. У группы подростков энергии было больше, чем способов ее потратить, поэтому их колонна через какое-то время разделилась на небольшие группки. К счастью, просторность пещеры это позволяла.

Добавив, что принц наверняка про это знает, объяснения — оно напоминало, скорее, песню — капитана Оливии продолжились.

— Поговаривают, оставшиеся чудища сбежали со своих родных краев в место, где королевская семья единорогов устроила на них охоту. Впоследствии горный хребет стал носить название Дракони́й труп — оно вобрало в себя останки драконов. То же верно и для горы Вирмнест. Последнее пристанище — гнездо — для ящерицы стала эта гора. Легенды гласят, что они все еще обитают где-то в глубинах гнезда.

Каблуки при обороте стукнули. Над ними возвышался каменный купол. Место было слишком огромным и просторным для человека. Альянс назвал этот зал Павильоном. Никто из ныне живущих понятия не имел, для чего он вообще создавался.

— Кто знает, возможно, этот большущий подземный лабиринт оставили после себя те ящерицы. Осматривайтесь, где хотите, детишки. Может, обнаружите для себя что-то новое.

□

— Не хочу показаться занудой, но вряд ли мы найдем здесь что-нибудь новое. Этой истории тысячи лет.

— Ну, это просто для создания атмосферы исследователя. По-своему забавно, — сказав так, Анжу потянула Дастина с собой за руку.

Дастин слегка растерялся, поскольку она впервые действовала так настойчиво. После возвращения из Объединенного королевства он всюду таскал ее по городам Союза. Познания улиц Анжу не так хороши, и он сопровождал ее, как член того же отряда.

И это ни в коем случае не свидание.

В глазах Дастина Анжу хоть и не ненавидела его, но и не то чтобы он ей нравился. Так что причина, по которой она оттянула его от колонны парней и девушек, не могла заключаться в желании побыть с ним наедине.

Он обернулся и увидел постепенно распадающиеся ряды. Они разделялись на пары и отходили от основы, перешептываясь о причине этих действий. Райден — он сопровождал Фредерику — странным взглядом бросил сигнал Анжу. Тогда-то Дастин все и понял.

Райден, Сео, Шиден, Анжу и остальные решили ускорить процесс из соображения, что Бог

Смерти и Королева слишком медлительны. Дастин оглянулся вокруг и подыграл:

— Юто, если пойдешь тем путем, встретишь водопад.

— Схожу, проверю... Пойдем, Митихи.

— Вперед!

Когда Дастин и Анжу собирались уже выйти на собственный путь, Митихи показала большой палец вверх, а Юто просто кивнул, — так они и ушли. Анжу обернулась и победоносно сжала руку в кулачок, из-за чего он успокоился. Все прошло как надо.

Они вдвоем оторвались от колонны, выбрали свой путь и, наконец, остановились.

— Неплохо придумал, Дастин-кун.

— Приятно слышать... Но все равно, знаешь, эти двое... Между ними в последнее время неловкость прослеживалась слишком явно. Думаешь, все будет в порядке?

— Ну, Лена в этот раз и правда вела себя довольно странно... Но мне кажется, беспокойство по каждой мелочи будет бестактно с нашей стороны.

Дастин почувствовал в ее голосе некоторую долю горечи. Она как бы говорила, что сами они в этом не так уж и хороши.

— Я к тому, что Шин-кун за все это время на Крену-чан даже не взглянул, так что он обязан постараться. Но в такие моменты он слишком осторожничает... Или, ну, стесняется. А Лена же у нас трусит... — Анжу в беспокойстве нахмурилась.

— Вы, должно быть, обожаете своего Бога Смерти и Королеву.

— О, да. Особенно Шин-куна. Он находится под нашей чрезмерной опекой.

□

Пещера предназначалась для туристов, и безопасность посетителей гарантировалась, но все равно это был лабиринт. Тусклые пути делились на множество развилок. В странных гладких скалистых стенах имелся халцедон*, и сквозь них словно просачивался свет.

[П/Р: Халцедон – полупрозрачный минерал, разновидность кварца.]

Лена постоянно сверялась с картой, но вскоре ей стало казаться, что она теряется. По мере продвижения вперед по туннелям «восемьдесят шесть» вокруг нее стали куда-то пропадать. То по одному, а иногда и целыми парами... И не успела она опомниться, как осталась наедине с Шином.

— ?.. Куда все запропастились? — спросила Лена, склонив голову набок.

— Они отходили со словами, что увидели что-то интересное, или хотели устроить соревнование, кто первый добежит... — Шин качнул головой. — Честно говоря, они словно нарочно это сделали.

— Тронный зал и купол еще впереди. Можно будет также взглянуть на окаменелый скелет чудища. А назад повернем, как дойдем.

— Точно... Мы не можем тут долго оставаться. Такое ощущение, что мы не сможем потом найти путь назад.

В туннелях не было источников света. Их окружали лишь каменистые стены, что вызывало клаустрофобию и страх. Заметив, как Лена пытается скрыть тревогу, Шин протянул ей руку.

— Тут темно, смотри под ноги.

— А... Спасибо.

Лена с благодарностью приняла руку, и сообразила, что Шин видит ее страхи. Он пошел вперед, а она держалась на полшага позади. Находясь так близко друг к другу, она вдруг поняла, что оба они пахнут одним и тем же мылом. Оно было уникальным для отеля и делалось из эфирных масел, чтобы все гости могли использовать его в купальне.

Этот аромат мыла утренней ванны ощущался явственно, и она, к тому же, не использовала свой фиалковый парфюм.

Вот почему оба пахли одинаково.

Они как бы купались в одном аромате.

Ассоциации продолжали сменяться с одной на другую.

Раз они разделяли один запах... то проснулись в одной постели на следующее утро.

Лена раскраснелась. Она об этом лишь слышала, но мысленный образ загнал ее слишком далеко. Шин, казалось, совсем не замечал, что от их тел исходил одинаковый аромат, или просто не признавал важность этого факта. По крайней мере, выражение его лица все также было безмятежным.

Лена нахмурилась. Да, ее воображение уж больно сильно разыгралось, но она чувствовала себя глупой из-за того, что только ее одну смутил одинаковый запах.

Но Лену это так взбудоражило, что она совсем ничего не заметила: ни напряженность Шина, проглядываемая за рокотом ее сердца, ни похолодевшей ладони. Она хотела, чтобы он чувствовал то же самое, — и не имея возможности подавить это желание, ей пришлось заговорить:

— Э... Прости, если... в последнее время вела себя странно. Я заставила тебя волноваться.

Они вошли в тронный зал, о котором упомянул ранее Шин, даже не осознав, что достигли своего пункта назначения. Полированная скалистая поверхность складками тянулась вверх до купола и чем-то напоминала паутину. Этот прекрасный вид словно вытягивал душу Лены при одном лишь взгляде на него.

На задней стене имелась массивная, скелетная глазница — ее размеры настолько огромны, что невольно начинаешь сомневаться, действительно ли она когда-то была частью живого существа. Глазница взидала сверху на тронный зал с удушающей величественностью, как бы управляя всем снизу. Будто злобный Бог в своей древней гробнице.

Лена опустила голову и отказывалась смотреть в кроваво-красные глаза. Но она, сама того не осознавая, крепче сжала его руку.

— Но... я на самом деле рада... что ты беспокоился за меня. Потому что...

Потому что...

Красные глаза вглядывались в нее. И она поняла — ей нравилось видеть себя в отражении этих алых глубин.

— Я...

□

Пока двое вели свой разговор...

— Ой-ой, неужели?..

— Проходит лучше, чем ожидалось.

— Чувствуется любовная атмосфера...

Анжу, Сео и Фредерика наблюдали за процессом с одного из коридоров, перешептываясь друг с другом. Они прятались за каменной аркой, аккуратно высовывая головы. В этом месте находились также Райден, Крена, Шиден, Марсель, Вик и Аннет — те разделились на парней и девушек, первые стояли слева, а последние справа. Они смотрели на происходящее под куполом.

— Мы дали им столько времени, а в итоге должна признаться Лена? Какой же он придурок.

— Да ладно тебе, Райден. Знаешь же, как говорится: все хорошо, что хорошо кончается.

— Знаете, а мне вообще ни капли это не нравится, — выплюнула Крена.

— Какое совпадение, Крена. Я придерживаюсь такого же мнения, — сурово согласилась Фредерика.

— Мне казалось, ты всячески отрицаешь свою увлеченность Ноузенем, Кукумила. Не пора бы уже признаться самой себе? — спросил Вик.

— Увлече?!.. Че?! Не, я... ничего подобного!

— Вот это я и имел в виду, Кукумила.

— Ваше Высочество, я, ну, думаю, сейчас Ваше поведение не подходит благородному принцу Объединенного королевства.

— Крена, Марсель, Лерче, помолчите. Они же услышат.

— Да что?! Я просто указала Вашему Высочеству на это! В отличие от остальных я хотя бы не подглядываю! — сказала Лерче в свою защиту.

— Замолкни!

— Заткнись, семилетка.

— ...Мне безгранично стыдно за это...

□

В конце концов, благодаря разговору на днях Лене удалось уладить свои тревоги.

Шин протянул ей руку под предлогом темноты, раскрыв перед ней намерение держаться рядом, пока она разберется в себе. Он планировал признаться сразу, как та приняла руку, но нехарактерная неопределенность заставила его молчать.

Они пахли одним мылом.

Может, потому что темнота блокировала зрение, остальные чувства обострились. Он моментально осознал, что от нее исходил аромат того же мыла, который использовал он сам. И поскольку его шагов не было слышно, он отчетливо воспринимал шуршание серебряных, шелковистых волос, которые соприкасались с ним. Стройная ладонь казалась теплее в такой момент.

Он решил выложить ей все по достижении пункта назначения — куполообразного тронного зала. Он также чувствовал оцепенение, но каким-то образом тишина развеяла страх в сознании и укрепила решимость. Но она опередила его. Он повернулся к ней, и, встретившись с ней взглядом, голова на миг опустела.

— Потому что я...

Шин неподвижно ждал ее следующих слов. Серебряные глаза вглядывались в него. И он понял — ему нравилось видеть себя в их отражении.

□

Внезапно кое-что осознав, заговорила Аннет:

— Кстати, Анжу, а где Дастин? Я думала, он с тобой пошел.

Услышав вопрос, Анжу прикусила губу. Он был с ней — по крайней мере, до середины пути, но...

— Дастин-кун, ну... Я принялась исследовать пещеру, и он, должно быть, э, потерялся...

Анжу наслаждалась исследованием. Действительно наслаждалась. И вот... так все и получилось...

□

Когда слова срывались с ее уст, их уже никто не мог остановить, и она раскрывала чувства без страха или сопротивления. Весь разум был занят только стоящим перед ней человеком.

— Шин, я...

Я...

Но именно в этот момент атмосферу нарушил шум покотившегося камня.

— А-а-а-а?! — вскрикнула Лена.

Даже Шин вздрогнул. Оба они рефлекторно напряглись, и их взгляды повернулись к одному из туннелей, ведущему в тронный зал.

— ...Там кто-то есть?.. — с дрожью в голосе спросила Лена.

Конечно, насколько бы они сейчас напряжены не были, никто из них не станет предполагать, что это вернулось к себе легендарное чудище. Наконец, прежде чем выйти из тени, некто начал то ли щебетать как птичка, то ли мяукать. Появился силуэт с серебряными волосами и по какой-то причине поднятыми руками.

— Простите. Это я.

Дастин.

— ...

Лена и Шин оградили его затянувшимся молчанием. Шин в принципе редко когда показывал эмоции на своем лице, но Дастина передернуло ото льда в широко распахнутых глазах Лены.

Эта сцена — оцепеневшие Шин и Лена — походила на двух оленей, попавшихся в свете фар. Молчаливые выражения ужасали.

— ...Д-да, не обращайтесь внимания... Прошу, продолжайте...

Когда Дастин пятился назад, множество рук схватили его сзади за шею и воротник, оттащив в коридор. Мрак поглотил высокий силуэт Дастина, и он не успел даже вскрикнуть.

— ...

Лена, конечно, не могла действовать дерзко и притвориться, будто ничего не произошло, а Шин не настолько бестолковый, чтобы попросить ее продолжить.

— Эм...

Между ними воцарилась угнетающая тишина. Лена могла слышать только свое бешено стучащее сердце.

□

Множество рук оттащили Дастина в темный, узкий туннель, где Райден чуть ли не душил его.

— Дастин, придурок!

— Атмосфера была в самый раз, ты все испортил!

— Ты чем думал, идиот?! Зачем показываться в такой момент?!

— И как ты додуматься только мог до того, чтобы сказать «Не обращайтесь внимания... Прошу, продолжайте?!». Егер, ты совсем с головой не дружишь?!

Каждый по понятной причине взбесился на вмешательство Дастина в сцену перед заключительной частью. Даже Вик, намного красноречивее остальных, не смог сдержаться и не высказаться.

Дастин огляделся в попытке найти союзника, но затем увидел убийственно-ледяную улыбку Анжу...

...Так... я, кажется, покойник.

...Только этот вывод и напрашивался. Она точно разозлилась.

— ...Мне жаль.

□

Несмотря на грубое вторжение, сердце Лены все еще колотилось в груди, и какая-то часть держалась за идею просто сказать ему. Подавив стыдливость, которая обязательно проявится при малейшей неосторожности, она укрепила решимость.

— М-м-м!

Голос вышел громче, чем она планировала. Она настолько удивилась громкости, что вновь обретенная решимость рухнула. Нужные слова подкатили к горлу, но отказывались идти дальше. Лена испуганно несколько раз шевелила ртом, решив все же затронуть другую тему.

— Насчет капитана Альянса, Оливии. Я, ну, видела, как вы вдвоем болтали...

Оставшаяся спокойной часть внутри нее шептала, что это неправда. Из-за этого ее голос звучал ревниво. Ей было стыдно и неловко...

Нет.

Дело не просто в том, что ей было стыдно, или что она выглядела ревливой, — она действительно ревновала.

Ревновала к Оливии... и это касается не только ее. Она ревновала ко всем остальным: Анжу, Крене и другим девушкам, которые могли положиться на него на передовой, в отличие от нее. Ревновала к Фредерике из-за его отношения к ней как к младшей сестренке. К Аннет, его друга детства. К Грете — он беспрекословно доверял вышестоящему офицеру.

Она ревновала к Райдену и Сео, ведь они его близкие друзья. Что было странно, она ревновала его даже к Вику и Марселю, способных говорить с ним свободно, а также к Файду, который и человеком-то не являлся.

Она хотела, чтобы он положился на нее. Стать тем человеком, к которому он первым делом пойдет, если захочет поговорить. И она уж точно не желала, чтобы тот шел к другим людям... к другим девушкам.

— Тебе, ну... Оливия в твоём вкусе?

И что, если он «да» скажет? Только мысль об этом приносила боль в сердце. Она боялась услышать ответ. Она в страхе взглянула на него. Но...

— Что?

...Шин ошеломленно уставился на нее. Она как будто спросила нечто вроде «Какие сладости тебе по душе?», а затем открыла ящик с инструментами, а не сладостями. Он совершенно не понял смысл, который она вложила в свой вопрос.

Лена ожидала либо «да», либо «нет», и надеялась услышать последнее. Но она точно не ждала, что тот окончательно впадет в ступор.

— О ч-чем ты? Э... — пробормотал невнятно Шин. — Я хочу сказать, да, люди с такими наклонностями есть, не спорю. Я даже знал парочку таких в восемьдесят шестом секторе. Но я не... э... Что тебя вообще натолкнуло на это?

— А?..

Внезапно возникло ощущение, будто они ведут два разных разговора... Словно на пути возникла развилка, и каждый свернул в свою сторону. И хотя оба все же это осознали, но никто из них не мог понять, кто именно сошел с этого пути... и когда.

Тем не менее Шин первый сложил два и два.

— Лена, мне кажется, ты сделала совершенно неправильный вывод.

— В-вывод?

— Капитан Оливье уже помолвлен. И еще он, ну, мужчина.

□

— Мне изначально казалось, что ты как-то странно посматриваешь на меня, но уж совсем не ожидал, что у нас возникнет такое недоразумение.

Услышав о произошедшем, Оливье не взбесился, а посмеялся. Лена не могла взглянуть ему в глаза.

Остальные «восемьдесят шесть» вернулись ко входу в пещеру, где застали Оливье, который коротал время за чтением книги. Этот разговор произошел уже после. Теперь, когда Лена подумала некоторое время, Оливье действительно стал казаться ей более мужеподобно... в той степени, чтобы с первого взгляда не видеть в нем женщину.

Лицо, конечно, имело женские черты, но глубокий голос уже не воспринимался женским. Телосложение тоже начало походить на мужское. Наконец, когда предвзятость была окончательно разбита, она не увидела даже груди.

— Прости... Просто, э, твои волосы такие длинные и роскошные, да и еще аромат этот, и вот я...

— Это точно, — хмыкнул Оливье, накручивая красивые локоны на палец.

Сразу после ноздри Лены защекотал запах роз — символ июня.

— Этот парфюм был у моей невесты любимым, поэтому я и пользуюсь им. Операторам не позволено носить кольца, так что я выбрал такой вариант. И волосы — это моя клятва в верности ей... Можешь даже посмеяться над моим упрямством.

Пилотам фердресов всех стран запрещалось носить любые кольца, включая обручальные, поскольку в бою они могли помешать в управлении и повлечь за собой травмы.

Но она бы никогда не рассматривала идею замены кольца на парфюм. Это показалось ей очаровательным, и она подумала, что вот она, настоящая любовь, когда...

Это «был» любимый парфюм невесты. В прошедшем времени. В качестве клятвы он отказывался стричься. Улыбка на лице после того, как он заявил о своем упрямстве.

— Капитан Оливье, хм... Невеста...

— Три года назад... Легион забрал ее.

Лена отвела взгляд, когда стыд охватил ее. Она так ревновала к Оливье за разговоры с Шином, но...

— Ты так часто говорил с Шином, потому что...

Оливье криво улыбнулся. словно старая рана вновь открылась. Мертвенно-бледная, одержимая улыбка.

— Она все еще в этом мире? Если так, где именно? Я хотел попробовать, возможно, он сможет найти ее. Но я понимал — спрашивать о таком при первом знакомстве очень уж некрасиво, поэтому для начала решил наладить определенное взаимопонимание.

Лена поняла еще кое-что. Сильным его сделала не способность Эспера, а одержимость. Отказ состричь волосы. Парфюм любимой. Женский позывной Анна Мария он получил не от сказки про принцессу-воина.

Шин скосил взгляд. Причина, по которой он так просто открыл сердце Оливье, заключалась в том, что он также был одержим своим братом.

— Если она ассимилирована Легионом, тогда я обязан упокоить ее.

†

<<Шин'эй Ноузен. Все дальнейшие запросы будут отклонены. Тебе это известно.>>

— Я слышал, что ты говорила... Но это не значит, что я буду удовлетворен этим.

Шин стоял перед последним нерешенным вопросом. Золотистый оптический сенсор Зелен смотрел на него через окно камеры для допросов — места, куда по мнению Шина она стремилась попасть. Оптический сенсор был искусственным и не должен содержать любые виды эмоций... но в нем отражался свет.

Он наконец понял, что с самого начала она ждала чего-то... кого-то. С того начала, когда она оставила свое сообщение «Найди и меня», не ведая о том, достигнет ли оно кого-нибудь или удастся ли вообще найти потенциального получателя.

— Ранее я спросил у тебя о причине создания Легиона. И я до сих пор хочу услышать ответ.

Но хоть он этого и хотел, но Шину казалось, что он уже знал ответ. Если он прав, то это ее молчание, подобие попыток испытать его, странная настороженность... все это было объяснимо.

Будь Файд — ИИ, разрабатываемый его отцом — завершенным проектом, Республика получила бы настоящее поле боя без потерь. Но Шину эта идея не нравилась. Даже если бы они только сейчас обнаружили Файда и использовали его для сражения с Легионом вместо солдат Союза, Республики и Объединенного королевства, ему это все равно бы не понравилось.

Но, быть может, некто решил бы иначе: тот, кто не знал Файда; тот, кто не был к нему привязан. Если бы его отца, который разрабатывал ИИ ради защиты людей, заставили выбирать между массовым производством Файда с последующей отправкой его на поле брани и отправкой живых людей на войну, скорее всего, он бы выбрал первый вариант.

И то же самое верно для Зелен. Или, по крайней мере, было верным при жизни, когда она создавала Легион.

Вот почему я... хотела, чтобы ты вернулся ко мне.

Даже сейчас он мог слышать ее последние слова. Слышал зов к человеку в ее последние мгновения. К брату, которого у нее забрал дружественный огонь. Она желала видеть возвращение брата — даже когда испустила последний вздох.

— Ты создала Легион для сражений вместо нас... Тогда война никогда бы не коснулась человеческих жизней.

Золотисто-лунный оптический сенсор сосредоточился на Шине. Легион не боялся быть уничтоженным. Они не страшились смерти. Эти машины непоколебимы и верны, чтобы выйти на войну, — их создали заменой солдат на поле боя, где в ином бы случае те легли тысячами.

Она не создавала Легион с целью истребления людей. Эти машины не предназначались для становления предвестниками смерти.

— И ты до сих пор не желаешь чьей-либо смерти. Поэтому ты не собираешься беспечно относиться к тем данным, которые у тебя имеются. Ты не хочешь, чтобы другая страна пыталась разработать похожую на Легион технологию и использовала ее против остальных стран.

В детстве единственным желанием Вика было вернуть маму к жизни. Отец Шина — он даже вспомнить не мог, как тот выглядит — разрабатывал искусственный интеллект, который бы жил по соседству с человечеством. И Зелен, подружившаяся с ними обоими, вероятно, хотела того же. Хотела...

— С самого начала ты пыталась защитить людей, да?

Она не хотела смертей остальных... как и Шин. Зелен на долгое время погрузилась в тишину. Затем...

<<Запрос.>>

Ее голос надломился. Будто она хотела придать ему презрение, но не смогла.

<<Предположим, это так. Что тогда ты сделаешь? Простишь? Ты простишь Легион, «восемьдесят шесть»? Простишь после того, как мы истребили твоих хрупких товарищей? Нас — тех, кто отобрал у тебя родину, твою семью и твоих друзей? Мы даже обратили твою родню в одного из нас.>>

Шин на мгновение не находил слов. Одно из чувств бурлило внутри него. Прошло уже семь лет с тех пор, как его брата обратили в призрака... и два года, как он победил в бою с ним. Но даже теперь он не знал, как назвать это чувство.

— ...Ага. А ты... права.

Он не выплевывал слова. Они просто срывались с уст. Он не хотел сражаться с ним. Но Рей стал Легионом. Он обратился в одну из машин, и Шин не мог не уничтожить механизированное чудовище, ведь иначе бы душа брата, вероятно, стенала и выла до скончания времен.

Поэтому Шин не мог оставить его. Он должен был сразиться с ним.

И без сомнений, Муравей перед ним — та самая истинная причина, по которой все так произошло. Здесь не стоял вопрос о возможности. Эта женщина обратила его брата против него.

<<Изменение запроса. Почему ты не враждебен к нам? Почему не ненавидишь? Почему не затаил обиду? Почему ты... настаиваешь на прощении?>>

Шин прищурился. Простить ее?

— Я не прощаю тебя... Ведь я не затаил обиду и не собираюсь. В этом нет никакого смысла.

Спроси его кто о том, не стал ли он сломленным, обезумевшим человеком, он, может, и ответил бы утвердительно. Он потерял семью, его отринула родина, но ненависти по отношению к тому, кто все это забрал, он не испытывал. Ни один нормальный человек просто не мог ее не испытывать.

Но он все же не ненавидел ее...

Он не хотел питать к ней ненависть и не мог заставить себя это сделать.

Потому что он знал.

Злоба к Альбам, отвращение к миру, гнев из-за Легиона...

Ничто из потерянного все равно не вернется к нему.

Ненависть внезапно не принесет Альбам, миру и даже Легиону осознание о том, какие боль и страдания он перенес.

Он не испытывал ненависть, злобу или гнев.

Потому что знал — эти чувства бессмысленны. Он мог погрузиться в них, но результатом будет только пустота.

И кроме того...

— Ненависть... Злоба... Поддавшись этим чувствам, я буду не лучше тех, кто сотворил все эти деяния со мной.

Такова его — «восемьдесят шесть» — гордость. У них осталась только она, ведь даже негативные эмоции они не могли принять.

На краю поле зрения он заметил Лену, которая наблюдала за ним с поднятыми руками в районе груди.

И тогда он понял, пусть лишь малость, что скрывалось за ее желанием. Мир и люди в нем не так уж и добры. Мир может быть холодным и жестоким. Но именно сейчас Шину показалось, будто тот кошмар, который он пережил, на самом деле не есть истинное отражение природы человечества.

Он не хотел верить, будто так и есть.

Он слишком хорошо познал, какими жестокими люди могут быть, — намного хуже, чем он мог бы надеяться. Примеров же достойного проявления благородства людей было слишком мало. Но если он встанет перед выбором истинной природы человечества, выбор падет на благородство.

Потому что Лена пожелала счастье в этом мире. Она также знала об уродливой стороне мира, но отказывалась признавать ее за естественный порядок. Она не отказывалась от мира... не потому, что это была просто навязчивая идея, — так она демонстрировала свою гордость.

Они могли по-разному воспринимать мир. Может, они даже еще не были готовы поверить в него или людей в нем. Но желание не отказываться, вероятно, завладело ими.

И это подвело их к другой вещи, от которой они не могли отказаться.

— Ты сама не хочешь быть прощенной... Ты не можешь принять нынешний мир. Не можешь принять, и поэтому желаешь его изменить.

Она не могла принять тот мир, где люди расставались со своими жизнями на поле боя.

Мир, где люди на этом поле брани постоянно сражались друг с другом и умирали.

Или мир, в котором созданный ею Легион стал источником невиданного кровопролития.

— Ты не хочешь смерти других людей. Что тогда, что сейчас — ты этого не хочешь. И так как это твое искреннее желание, ты хочешь остановить и эту войну... остановить Легион. Я прав?

□

В камере воцарилось тяжелое и продолжительное молчание. Но вскоре Зелен, Безжалостная королева, дала свой ответ.

<<Да.>>

Теперь ее голос напоминал протяженный, раздраженный вздох. Шин впервые уловил нотки

человечности в этом голосе.

<<Да, ты прав. Теперь все это не более чем серия непрекращающихся ужасных ошибок. Но... моим желанием всего-то было спасти людей.>>

Слова раскаяния эхом прокатывались в замкнутом пространстве. Камеры наблюдения и допроса были разделены стеной из укрепленных акриловых пластин. Они стояли по обе стороны, и сцена напоминала раскаяние грешника перед священником.

И тогда она начала говорить. Произносить слова, которые так долго ждали солдаты Союза, Объединенного королевства и Альянса.

<<Хорошо... Я отвечу на ваши вопросы. Расскажу все, что знаю сама. Выложу всю информацию, которую хотела передать... Но с одним условием. Шин'эй Ноузен. Виктор Идинарок. Я буду говорить только с ними двумя. Все остальные должны будут уйти. Все записи, средства коммуникации и наблюдения должны быть отключены. Все до единого.>>

†

Несмотря на важность информации, которой владела Зелен, на выслушивание не ушло много времени. Но после Вик вздохнул. Протяжно, нехарактерно для хладнокровной гадюки без намек на эмпатию. На его плечи будто опустилось невыносимое для него бремя.

— Поверить не могу...

Он на время выключил микрофон в камере наблюдения и качнул головой. Они выполнили требования Зелен — все, кроме Шина и Вика, покинули свои места.

— И в самом деле есть способ вырубить весь Легион. Но...

Верно. Безжалостная королева раскрыла аварийные коды отключения для всех развернутых машин на континенте... и то, как запустить эту процедуру. И все равно... Вик с раздражением качал головой.

— Ничего не выйдет... Хуже того, если мы раскроем информацию общественности, человеческое общество рухнет изнутри.

Существовало только одно место, с которого можно было активировать код отключения... Это была крепость Империи, располагавшаяся в самых глубинах территории Легиона.

Но не в этом состояла проблема. Даже если она захвачена машинами, они все еще могут отбить ее. Ударная группа создавалась как раз для таких целей, и это положило бы конец

войне с Легионом. Они могли собрать силы с других фронтов и провести концентрированную атаку.

Проблема заключалась в том, кто должен был активировать код отключения. Это мог сделать только человек с правом командования всеми машинами Легиона. Чтобы зарегистрировать наличие таких прав у кого-то, он должен быть признан потомком родословной Империи Гиаде.

В особенности для подтверждения принадлежности проверяется генетическое совпадение. Только те, по чьим жилам течет королевская кровь Империи, имели право командовать Легионом... Только шесть лет назад военные Союза истребили всех причастных к этой родословной, не оставив абсолютно никого. Кровь королевской семьи Империи, что погибла десять лет назад. Чистая кровь императора не текла уже ни в одном из ныне живущих людей.

— Подтвердив право на управление Легионом, появляется возможность отдавать собственные указы машинам... Этот метод отключения — просто фарс какой-то. Союз уничтожил Империю, а значит мы навсегда потеряли способ остановить Легион.

Даже Вик признал, что такое развитие событий ужасает. На лице ясно читалась горечь, и он тяжело вздохнул, прежде чем задумчиво перевести взгляд на Шина.

— Мы раскроем всю остальную информацию, данную нам Зелен, разведывательным отделам трех стран, но конкретно эту не станем. Последние планы операций и местоположение производственных сооружений должно быть достаточно... Согласен, Ноузен?

— Согласен, — кратко кивнул Шин, стараясь сдерживать голос и эмоции.

Он знал, что эмоции в принципе редко когда отображаются на его лице. Его чувства несколько притупились с того самого дня более десяти лет назад, когда брат едва ли не убил его. Но в этот самый момент Шин был благодарен за это. Ведь он не мог позволить даже Вику узнать правду.

Легион можно остановить.

Причем прямо сейчас, если они перехватят контроль над крепостью.

Никого вокруг них не было, поэтому нельзя точно сказать, что случилось бы.

Вик не знал, так же как Лена, Аннет и остальные «восемьдесят шесть», за исключением Райдена, Сео, Анжу и Крены.

Но некоторые из офицеров западного фронта знали. Те, кто взял ее под опеку и вместе с Эрнестом сохранили жизнь. Они знали о ее выживании. Как бы они отреагировали, узнай об этой информации? Шин не мог даже представить себе... что станет с ней после раскрытия.

□

Фредерика.

Последняя императрица Империи Гиаде, Августа Фредерика Адель-Адлер.

<http://tl.rulate.ru/book/36621/1507447>